

На следующее утро Джо Юнь проснулась от холода. Она была укрыта уже не тем халатом, а толстым слоем соломы. Юноши, с которым она делила ночлег, и след простыл.

Она протерла глаза, поднялась, отбросила солому и выбралась из своего убежища. В волосах у неё запутались сухие травинки.

Когда Джо Юнь подняла руку, чтобы стряхнуть их, она заметила на ногте безымянного пальца левой руки белое пятнышко в форме цветка, которое в этот момент начало нестерпимо жечь.

Джо Юнь коснулась ногтя, и в голове тут же раздался кокетливый голос Сянь Юнь: Ты проснулась! Я попросила управляющего приготовить тебе завтрак, поешь перед дорогой!

Э? Это что ещё...

Следом зазвучал голос Лу Чжэцю: Хозяйка, я научил её пользоваться системой связи. Вы должны видеть отметку на ногте. Если она захочет отправить вам голосовое сообщение, метка будет нагреваться. А если она или кто-то из подчиненных захочет передать вам вещи, после того как они окажутся в сумке, метка подаст сигнал легким покалыванием.

Как удобно... Джо Юнь скривила губы. Но почему, как ни крути, всё это доставляет ей одни неудобства? То пальцы жжет, то они болят.

Она посмотрела на ноготь: хоть отметка на коже была и небольшой, но довольно заметной. Нужно будет как-нибудь закрасить её лаком для ногтей.

Джо Юнь мысленно спросила: Что там есть из еды?

Сянь Юнь, словно пропустив мимо ушей слова Лу Чжэцю, радостно защебетала: Завтраки в твоём доме такие богатые! Управляющий сказал, что меню не повторяется полмесяца, и можно заказывать что угодно. Ты что, всегда так питалась? Сегодня у нас каша на курином бульоне, паровые булочки с мясной начинкой, грибы в соусе из красного ферментированного риса, шпинат с маслом чили и молочные коржи с османтусом. Я велела управляющему отложить тебе понемногу каждого блюда.

Джо Юнь усмехнулась — Сянь Юнь отлично освоилась! Она ответила: Не надо. Скажи управляющему, чтобы прислал только две булочки и бурдюк медовой воды.

Сянь Юнь, которая в это время завтракала в теплом павильоне сада, любуясь снегом, добавила: Ты можешь разыскать мою бабушку, она живет в уезде Цюйво. У меня ещё есть два дяди. Матушка умерла всего несколько дней назад, думаю, они об этом ещё не знают.

Джо Юнь задумалась и ответила: Хорошо. Пусть будет так. — Сказав это, она снова коснулась пальца, завершая вызов.

Она пока не хотела никуда ехать: сначала нужно осмотреться в уезде и поискать возможности. Если уж совсем некуда будет деться, тогда и подумает о том, чтобы податься к родственникам матери.

Вскоре кончик пальца обожгло, как огнем — Джо Юнь поняла, что вещи прибыли.

Она коснулась ногтя и увидела содержимое сумки: таз с горячей водой, полотенце, кусок мыла, мясные булочки и фляга с медовой водой.

А ещё сверток с одеждой: черная куртка с узкими рукавами, плотные штаны цвета воронова крыла и серая короткая юбка-фартук до колен.

Джо Юнь развернула одежду. Ткань была прочной: снаружи грубый лен, внутри — приятный к телу белый шелк, а между ними слой легкого и теплого лебяжьего пуха. Обувь — новые тканевые сапоги, удобные и теплые.

Правда, всё было серых тонов. Поскольку родители хозяйки тела скончались, она всё ещё соблюдала траур, так что даже если кто-то увидит её в обновках, придраться будет не к чему.

К тому же, такие ткани были обычным делом — любая крестьянка могла соткать подобное, и если деревенская семья припасла для ребенка такой отрез, это не считалось расточительством.

Умывшись, Джо Юнь развязала белый сверток и, дрожа, натянула зимнюю одежду и обувь. По телу мгновенно разлилось тепло.

Ей захотелось плакать от благодарности. В прошлой жизни до шестнадцати лет её баловали родители, потом — старший брат, а в университете — парень. Выросшая в неге, она никогда не знала, что такое голод и холод.

И только после перемещения в этот мир она поняла, насколько ценной может быть теплая одежда.

Открыв второй сверток, она обнаружила, что булочки всё ещё горячие. Оказывается, игровая сумка обладает функцией термоса.

Хозяйка этого тела явно недоедала, и желудок у неё был пуст, поэтому Джо Юнь уже вовсю испытывала голод. Она наелась одной булочкой, размером с половину ладони взрослого человека, а запив её несколькими глотками ароматного молочного чая, почувствовала себя невероятно комфортно.

Она толкнула дверь храма. За окном только начало светать. Перед заброшенным храмом тянулась бесконечная желтая дорога, окруженная бескрайними полями.

На западе дорога вела к темным горным хребтам, которые в разгар зимы выглядели серыми и безжизненными. Джо Юнь помнила, что её отец часто ходил в те горы на охоту, значит, деревня Байхэ находилась у подножия, а дорога на восток вела к уездному центру.

Джо Юнь потерла плечи. Холодный ветер резал лицо, словно нож. И это ещё лицо! А если бы на ней была та старая рвань, она бы уже окоченела. К счастью, на ней куртка на пуху, иначе бы она, с её нынешним хрупким здоровьем, могла замерзнуть насмерть по дороге в уезд.

Эй, да это же старшая дочь семьи Цяо! Что ты тут делаешь одна?

Джо Юнь не сразу поняла, что обращаются к ней, и продолжала идти. Лишь когда сзади послышался скрип колес, она обернулась, чтобы уступить дорогу, и увидела старика лет шестидесяти, погоняющего осла. Он остановился рядом с ней. На лице старика играла улыбка, но в глазах читалось подозрение, он во все глаза рассматривал её новую ватную куртку.

Она вспомнила: это дедушка У Лю из начала деревни. У него был осел и ручная каменная мельница, на которой все в округе мололи просо. Когда не было работы на мельнице, он возил людей в уезд за две медные монеты с человека.

Джо Юнь тут же расплылась в улыбке и сладко произнесла: Дедушка У, здравствуйте! Бабушка отправила меня в уезд купить пару пакетов соли и моток цветных ниток. Я думала, в такой холод вы не поедете. — Она продемонстрировала ему рукав куртки: — Дедушка, посмотрите! Это одежда, которую мама сшила мне перед смертью! Я впервые её надела.

Старик У Лю отбросил сомнения. Семья Цяо в Байхэ жила относительно неплохо, сшить внучке обновку было им по силам. Он слышал о делах семьи Цяо, наверняка это был отрез ткани, который госпожа Чжэнь припасла для будущего ребенка. Подумав о том, что девушка осталась сиротой, он вздохнул: со скупостью старой госпожи Цяо вряд ли та хорошо обращалась с внучкой.

В деревне не было лавки, за всем необходимым ездили в уезд. Нитки были нужны в каждом доме, и если у кого-то заканчивались, их всегда можно было одолжить у соседей. С чего бы госпоже Лю отправлять Джо Юнь в такую даль за нитками?

У Лю хлопнул себя по лбу и понял. Девушка сказала цветные нитки — такую роскошь бедняки не могли себе позволить. Наверняка госпожа Лю решила сшить шелковое платье для своей младшей дочери, а ниток не хватило, вот и погнала Джо Юнь в мороз в уезд.

Он потрогал рукав куртки Джо Юнь и ужаснулся: госпожа Лю была слишком жестока — ваты внутри почти не было.

Твоя бабушка совсем потеряла совесть. Одежда такая тонкая, зимой в ней даже соломы не добавили — разве это спасет от ветра? Залезай на телегу, я как раз еду в уезд за товарами к празднику, подвезу тебя.

Джо Юнь усмехнулась про себя: внутри не солома, а пух! Если бы куртка была такой толстой, как он ожидает, она бы взмокла от пота.

Она посмотрела вперед — уезда ещё не было видно. Раз уж есть транспорт, почему бы не воспользоваться?

Но... у меня денег только на соль и нитки, — пробормотала Джо Юнь, делая вид, что боится сесть в телегу.

Эх, я же не специально пассажиров везу, какие деньги? Залезай давай! — У Лю сделал вид, что рассердился. Ох уж эта госпожа Лю, до уезда Цюйво путь неблизкий, а она даже денег на проезд не дала — неужто хотела, чтобы девчонка возвращалась ночью?

Джо Юнь забралась на телегу. Она порадовалась, что догадалась не делать длинную юбку, и поблагодарила старика. Колокольчик на шее ослика звенел, копыта стучали по дороге. Джо Юнь старалась запомнить путь.

Окрестные деревни жили за счет рынка в Цюйво. В ста шестидесяти ли к северо-западу находился столичный округ, а сам уезд стоял на реке Хуэй, где был порт, поэтому Цюйво считался крупным торговым центром.

Когда солнце поднялось высоко, показались городские ворота. У Лю сказал: Я буду ждать тебя здесь во второй половине дня. Будь осторожна, в уезде много людей, смотри, чтобы не украли! — И остановил телегу у ворот.

Хорошо, — ответила Джо Юнь и спрыгнула на землю. Она подумала: «Да кто же добровольно вернется обратно?» Но сейчас было не до объяснений, и она поспешила в толпу.

Ей нужно было найти ломбард. Она решила: если в уезде не получится, поедет в город. Прохожие подсказали дорогу, и вскоре она оказалась на северной стороне, где на лавке висел флаг с иероглифом «Залог».

Приказчик, увидев маленькую девочку, хотел было прогнать её, но, заметив, что она одета в чистое и новое, решил, что она, возможно, из приличной семьи по важному делу, и не стал препятствовать. Джо Юнь вошла в ломбард и поняла, что даже не достаёт до прилавка, поэтому ей пришлось встать на цыпочки. Приказчик оказался внимательным и принес ей табурет.

Она достала из рукава серебряную заколку и браслет, переданные Лу Чжэцю, и протянула их через окошко. Украшения были изящными, с цветами жасмина из тонкого серебра, без драгоценных камней, но работа была великолепной. Ювелиры из игры делали вещи, словно современные мастера: не только красиво, но и невероятно прочно — в отличие от медной проволоки и клея, здесь всё держалось намертво.

Хозяин насторожился: Малышка, ты, небось, украла это из дома?

Джо Юнь изобразила печаль: Папа велел мне заложить мамины вещи, чтобы пропить и проиграть деньги. — В прошлой жизни она училась актерскому мастерству, так что сыграть это ей не составило труда.

Ох, бедняжка, достался же ей отец-алкоголик и игрок. Хозяин проникся жалостью. Он видел немало таких людей: игроманы не успокоятся, пока не проиграют всё до нитки, а потом продадут и собственных детей.

Видя немало подобных драм, он больше ничего не сказал, взял украшения, внимательно осмотрел их и выдал ей две связки медных монет, плотно перевязанных веревкой.

Твои украшения слишком простые, много за них не дашь. Но за тонкую работу дам тебе две связки.

Джо Юнь поблагодарила его и, забрав тяжелые связки, вышла из ломбарда.

Две связки! Две тысячи монет! Здесь единицей была «гуань», что равнялось примерно двум таэлям серебра.

Две тысячи монет звучало внушительно, но в пересчете на серебро — сущие копейки.

Ладно, сойдет и так!

Выйдя из ломбарда, она сделала вид, что прячет деньги в рукав, а сама отправила их в системную сумку. Глубоко вздохнув, она подняла голову: небо было затянуто тучами, выглядело пасмурно.

Сначала нужно найти ночлег!

С деньгами в кармане она почувствовала себя увереннее.

Неподалеку, у перекрестка, она увидела двухэтажный дом с вывеской «Ночлег». Дверь была приоткрыта, а вход завешен плотным войлоком. Она направилась туда, по пути развязав связку монет, отделила двадцать штук, а остальные спрятала в пространстве.

Скрип...

Толкнув дверь и отодвинув занавеску, она впустила внутрь порыв холодного ветра. Задремавший за прилавком слуга вздрогнул и проснулся.

О, гость, решили остановиться у нас? Можете не волноваться, у нас чисто, всегда есть горячая вода... — затараторил он, но, увидев посетительницу, замолчал.

Джо Юнь потерла руки и скомандовала: Снимите мне номер и принесите ведро горячей воды.

Слушаюсь! Прошу наверх! — услужливо отозвался слуга. Но когда они подошли к комнате, любопытство взяло верх: — Такая кроха, а путешествуешь одна?

Да и одета не как госпожа, и не как странствующая воительница — серая, как простая деревенская девчонка!

Джо Юнь бросила на него взгляд и небрежно швырнула двадцать монет: Сходи в ближайшую закусочную, купи мне горячей еды, неважно, мясной или постной. Сдачу оставь себе. И прикуси язык, не спрашивай того, о чем не просят — награжу!

Слушаюсь, ждите! — Слуга ловко поймал монеты, просиял и, забыв о любопытстве, проводил её в комнату: — Вот, нравится? Окна выходят в переулок, тихо, а утром будет солнце!

Джо Юнь кивнула и протянула ему ещё несколько монет: Хорошо. Вот, на улице зима, купи себе горячего вина!

Хе-хе, спасибо! — Слуга верил, что деньги решают всё. Он не стал больше болтать и убежал за едой.

Вскоре в дверь постучала женщина средних лет.

Джо Юнь открыла дверь. Женщина была крепкого телосложения, в платке на голове, с закатанными рукавами, даже в зимнюю стужу от неё исходило тепло. В одной руке она несла тяжелое ведро с водой, в другой — поднос.

Женщина поставила еду на низкий столик и наполнила горячей водой ванну за ширмой. Затем достала огниво, разожгла уголь в печи и кочергой поправила угли — в комнате сразу стало тепло.

Женщина приоткрыла окно, оставив узкую щель: Помните, когда горит уголь, нельзя плотно закрывать окна.

Джо Юнь, сидевшая на тахте, кивнула: Я знаю, можно угореть.

Женщина кивнула, положила полотенце на табурет у ванны: Вода горячая, можете подождать, пока остынет.

Джо Юнь замялась: Тетушка... не могли бы вы помочь мне потерять спину? У меня руки слабые, сама не справлюсь.

Женщина улыбнулась: У меня силы много, боюсь, кожу вам сотру.

Джо Юнь замахала руками: Чем сильнее, тем чище! К тому же я не изнеженная. Не за бесплатно же прошу!

Она достала пять монет: Это вам за труды.

Женщина, которая в этой гостинице занималась стиркой и починкой за жалкие двести монет в месяц, а зимой и того меньше, засомневалась, но согласилась.

В комнате было жарко. Джо Юнь с наслаждением искупалась. Выходя из ванны, она чувствовала, как пар идет от каждой поры, грязь была смыта, и она словно заново родилась.

Женщина прополоскала полотенце, отжала его и повесила у печи: Подождите, я вынесу воду. — Она обхватила тяжелую бадью и вышла.

Джо Юнь оделась, поражаясь силе служанки: целая бадья воды!

Вскоре женщина вернулась, поставила бадью на место и унесла ведра.

Джо Юнь посмотрела на принесенную еду.

Слуга принес две паровые булочки и тарелку горячей капусты.

Джо Юнь смотрела на эту скудную трапезу с недоумением.

Двадцать монет только за это?

Сколько же этот слуга прикарманил!

Впрочем, разбираться с мелочами не хотелось. Она откусила булочку.

Это был хлеб из грубой муки, желтоватый и плотный. Такие булочки отлично насыщают, хоть и уступают по вкусу магазинным. Капуста была приготовлена с солью, имбирем и уксусом — есть можно, но жира не хватало, аромата — тоже.

Джо Юнь сделала пару укусов, отложила палочки, спрятала еду в сумку и легла на кровать,

перенесясь в систему.

В главном зале её ждал Лу Чжэцю, но Сянь Юнь нигде не было.

Где она? — Джо Юнь огляделась. — У меня есть к ней вопросы.

Она на пастбище, пошла посмотреть на уток.

О! — Джо Юнь направилась на ферму. И правда, Сянь Юнь сидела в куче утят с кормушкой.

Стайка пушистых желтых комочков крякала, толкаясь у её ног, и тянулась за кормом.

Она кормила утят левой рукой, а взрослых уток — правой.

Взрослые утки были куда активнее маленьких.

Пух летал повсюду.

Если не обращать внимания на изумрудное платье Сянь Юнь с вышивкой, сложную причёску и дорогие украшения, сцена выглядела вполне мило.

Если бы!

Кто в здравом уме будет кормить уток в грязи, нарядившись как богатая дама?

Джо Юнь позвала её: Сянь Юнь! Иди сюда!

Сянь Юнь подняла голову, увидела Джо Юнь, радостно высыпала корм в корыто, отряхнула платье и подбежала к ней.

Что случилось?

Джо Юнь отвела её на траву, поставила тарелку с капустой и спросила: В уезде люди едят только это?

Э? Откуда это у тебя?

Джо Юнь коротко рассказала, что произошло. Сянь Юнь сложила руки на груди, вспоминая: Мой старший дядя работал помощником повара в трактире, я в детстве там ела. Там такая

капуста стоит двенадцать монет — очень дорого! А сколько в других местах — не знаю.

Понятно. Попробуй, как она по вкусу по сравнению с трактирной?

Джо Юнь протянула ей палочки.

Сянь Юнь попробовала кусочек и нахмурилась.

Нормально, почти так же. Только капусту надо есть горячей, а эта уже остыла.

В глазах Джо Юнь блеснул огонек.

Если даже в трактирах подают такое, то она сама откроет закусочную!

<http://bllate.org/book/20024/1976437>